КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1-го іюля № 13. 1867 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ПОУЧЕНІЕ. *)

I.

Не бывайте несмысленни, но разумѣвайте, что есть воля Божія (Еф. V, 17).

Воля Божія есть законъ Божій или то, какъ мы должны жить, мыслить, чувствовать, поступать, если хотимъ быть угодными Богу. Объ этой то волѣ Божіей говоритъ намъ апостолъ, совѣтуетъ обратить на нее все вниманіе наше, и не сумнѣвается назвать насъ несмысленными, если мы остаемся невнимательными къ ней, то есть если не хотимъ понять ее, или понимая не стараемся исполнять.

А между тѣмъ всего чаще бываетъ такъ, что мы въ жизни меньше всего заботимся о волѣ Божіей. Иное дѣло собственная наша воля.—Тутъ мы готовы пожертвовать всѣмъ для самой презрѣнной страстишки нашей. Самая послѣдняя прихоть имѣетъ какъ будто право требовать отъ насъ и добиваться удовлетворенія.

*) Ск. въ церкви кіевской военной гимназіи.

Нельзя сказать, чтобы мы страдали недостаткомъ угодливости и волѣ другихъ, если это намъ кажется почему либо для насъ выгоднымъ. Не стану выяснять всего, что нерѣдко дѣлаютъ для угожденія волѣ другаго ласкательство, лесть, лицемѣріе, человѣкоугодливость. Но о волѣ Божіей—какъ мало бываетъ истинныхъ хлопотъ у всѣхъ насъ! И если видите по временамъ эти хлопоты, то какъ мало изъ нихъ такихъ, о которыхъ можно сказать, что они отъ души, и что подъ ними не кроется лицемѣріе или только наружное выполненіе долга, безъ участія сердца! Апостолъ называетъ не смысленными всѣхъ, кто мало заботится знать и исполнять волю Божію, конечно потому, что воля Божія и законъ Божій должны быть для насъ важнѣе всего, всѣхъ прихотей нашихъ, всѣхъ требованій и желаній людскихъ.

Но развѣ такъ важна по отношенію къ намъ воля Божія, что все предъ нею должно умолкать? Такъ други, все должно умолкать, потому что это ниболѣе нименѣе, какъ воля Вседержителя, Владыки вселенной, который есть вмѣстѣ и полновластный владыка душъ и тѣлесъ нашихъ. Величію воли Божіей нѣтъ предѣловъ. Чтобы понять это величіе повозможности, намъ хотѣлось бы призвать въ помощь хотя природу, гдѣ такъ много величественнаго; но и природа въ состояніи представить намъ лишь слабые образы этаго величія. Бури съ оглушительными раскатами громовъ, и ослѣпительнымъ блескомъ молній извѣстны и нашимъ странамъ. Но чтобы получить понятіе о силѣ и величіи природы въ явленіяхъ бури, для этого нужно увидѣть бурю въ знойныхъ степяхъ Африки. Тамъ она называется *ураганъ*. Съ быстротою молніи несется онъ по пустынѣ, какъ прахъ, какъ лег-

кій пухъ птицы, поднимая и унося съ собою груды и цѣлыя горы песку, въ одно мгновеніе погребая подъ нимъ караваны, и дѣлая громадныя насыпи и столь же громадныя углубленія тамъ, гдѣ ихъ за минуту не было,— это воля Божія. Персидскій царь Камбизъ въ ослѣпленіи своей гордости подумалъ, что его волѣ не помѣха опасности пустыни,—и многочисленное войско безумца нашло свои могилы въ пескахъ ея. Вотъ это воля человѣческая! Послѣ пустыни станемъ мысленно на берегу моря. Волны, подобно горамъ, подымаются, опускаются, съ яростію сталкиватся, и подъемлютъ пыль свою до облаковъ,—это воля Божія. Благоразумный пловецъ боязливо смотритъ на бушующую стихію, и возводитъ очи и душу свою къ небу съ молитвою ко Спасителю. А обезумѣвшій отъ гордости, персидскій царь Ксерксъ, хочетъ наказать волны Босфора за то, что они разрушили мостъ, долженствовавшій привести его къ порабощенію свободолюбивыхъ грековъ и бросаетъ въ море оковы или кандалы, думая ими сковать море. Еще прежде его, столько знакомый вамъ изъ св. исторіи Навуходоносоръ, надменный славою своихъ побѣдъ мечтаетъ быть равнымъ Богу, взойти на небо, поставить престолъ свой выше звѣздъ—и вдругъ что-же?.. По той же волѣ Божіей дѣлается существомъ скотоподобнымъ, чуждымъ людскаго общества и всего что въ жизни отличаетъ человѣка отъ животнаго.

Впрочемъ поищемъ выраженій воли Божіей ближе къ себѣ, посмотримъ какъ она выражается въ нашей жизни, и въ какомъ она здѣсь отношеніи къ нашей волѣ? Величіе воли Божественной здѣсь, на видъ, какъ будто умѣреннѣй; преступленіе противъ ней нашей воли не вдругъ получаетъ свою казнь. Это мѣра благости Бо-

жіей, оставляющей мѣсто нашему покаянію; тѣмъ неменѣе воля Божія и здѣсь неизмѣнна, какъ законъ Божій.

Вотъ ложь и обманъ. Наказаніе первой лжи, скрытой и неомытой раскаяніемъ — то, что она ведетъ къ другой лжи, эта къ третьей и такъ далѣе. Лжецъ наконецъ открывается во всемъ своемъ нравственно-непривлекательномъ видѣ и предается общему презрѣнію. То же разумѣй и о лицемѣрѣ, клеветникѣ и другихъ имъ подобныхъ людяхъ.

Вотъ праздность. Она думаетъ когда либо вдругъ вознаградить истраченное въ пустомъ время, и забываетъ, что она, ослабляя силы души, тѣмъ самимъ готовитъ ей полную неспособность заняться когда либо дѣломъ серіозно. Праздность противна волѣ Божіей; воля Божія опредѣлила трудъ человѣку, и ничто не спасетъ отъ наказанія того, кто думаетъ жить вопреки волѣ Божіей, безъ труда.

Вотъ честолюбіе. Страдающій недугомъ этимъ уже успѣлъ подняться на лѣстницѣ почета общественнаго; но случайный оговоръ, собственная неосторожность неожиданно стали поперегъ дороги. Испытываемое имъ недовольство есть наказаніе за честолюбіе, которое неугодно Богу.

Иной пройдетъ всю эту жизнь, и не споткнется съ горемъ,—тѣмъ хуже. Ему придется то же, что пришлось богачу въ притчѣ о богатомъ и Лазарѣ.

Воля Божія, воля Творца! О, небудемъ несмысленными, и надумаемся понимать и исполнять ее. Аминь.

С. А. К.

Необходимость для обученія воспитательнаго характера.

Подъ воспитаніемъ разумѣется намѣренное, расчитанное дѣйствіе взрослаго человѣка на человѣка еще недостигшаго зрѣлости, съ тою цѣлію, чтобъ помочь послѣднему въ надлежащемъ развитіи его тѣлесныхъ и духовныхъ способностей на тотъ конецъ, чтобы онъ въ состояніи былъ достигать назначенія, намѣченнаго Творцемъ въ самой его природѣ. Отсюда ясно, что понятіе обученія и понятіе воспитанія между собою близки и сродны другъ другу. Обученіе также есть намѣренное расчитанное дѣйствіе взрослаго учителя на незрѣлаго ученика. Затѣмъ, и цѣль, которую имѣетъ въ виду обученіе. разнится не существенно, а только по объему отъ цѣли воспитанія. Цѣль обученія состоитъ въ томъ, чтобы сообщить ученику всѣ свѣдѣнія, которыя ему необходимы для достиженія его человѣческаго назначенія настолько, насколько дѣлаютъ для него то возможнымъ его естественныя способности. Это не иначе можетъ быть, какъ чрезъ развитіе соотвѣтственныхъ силъ и способностей. Но тутъ же становится ясною и разность между тѣмъ, что называется воспитаніемъ и обученіемъ. Въ воспитаніи главное—гармоническое совмѣстное развитіе всего тѣлеснаго и духовнаго существа незрѣлаго человѣка, а въ

обученіи сообщеніе и усвоеніе ему извѣстныхъ познаній. Цѣль обученія достигнута, если ученикъ усвоилъ извѣстные предметы знанія, и умѣетъ приложить ихъ къ дѣлу. Цѣль воспитанія, напротивъ, можетъ считаться только тогда достигнутою, когда ученикъ чрезъ совмѣстное развитіе тѣлесныхъ и духовныхъ силъ пріобрѣлъ навыкъ мыслить, чувствовать и желать соотвѣтственно назначенію человѣка и чрезъ то сталъ способнымъ къ тому, чтобы, руководясь собственною свободою, вести истинно человѣческую жизнь. Изъ этаго различія ясно вытекаетъ и отношеніе обученія къ воспитанію. Обученіе дѣйствуетъ на познавательные силы ученика, на силы воспріятія, сужденія или разсудка, воображенія, памяти, чтобы чрезъ нихъ сдѣлать для ученика ясными извѣстныя предметы знанія; воспитаніе, напротивъ, дѣйствуетъ на всю совокупность духовныхъ и тѣлесныхъ силъ и имѣетъ въ виду пріучить воспитанника къ достойному и гармоническому употребленію духа, души и тѣла. Само собою разумѣется, что къ тому нуженъ и извѣстный матеріалъ, предметъ. Познавательная сила раскрывается познаваніемъ, чувство примѣрами, воля дѣлами, а все это вмѣстѣ раскрывается путемъ науки и образца, упражненія и привычки. Чтожъ иное въ такомъ случаѣ будетъ обученіе, какъ не часть воспитанія, часть на столько имѣющая право на самостоятельность, на сколько цѣль обученія можетъ быть уже или шире цѣли воспитанія; она уже, когда ограничивается развитіемъ только одной стороны человѣческой души, то есть стороны познавательной; она шире, когда она не довольствуется развитіемъ этой силы, но имѣетъ въ виду сообщить извѣстный опредѣленный матеріалъ знанія, и вмѣстѣ

съ тѣмъ научить, что изъ него можно сдѣлать, къ чему приложить его.

Таково отношеніе обученія къ воспитанію. А если такъ, то тѣмъ самимъ требуется, чтобы обученіе дѣйствительно было частью воспитанія, чтобы оно не теряло изъ виду общей цѣли воспитанія, напротивъ, чтобы оно содѣйствовало ей и слѣдовало за ней. Тогда оно будетъ воспитательнымъ обученіемъ. Какъ же достигать этаго?

Пожалуй, можно и такъ думать, что это при всякомъ урокѣ достигается само собою и по необходимости; потому что каждый урокъ болѣе или менѣе долженъ дѣйствовать на соотвѣтственную духовную дѣятельность ученика. При каждомъ урокѣ даются ученику извѣстныя новыя представленія, которыя онъ или воспринимаетъ памятью, или усвояетъ разсудкомъ, или же ему представляется образецъ, въ подражаніи которому онъ можетъ найти пищу себѣ, равно какъ и своей духовной и тѣлесной силѣ. Все это конечно способствуетъ развитію естественныхъ силъ человѣческихъ; почти что всякой матеріалъ для души можетъ служить поводомъ къ ея развитію. Самымъ превратнымъ образомъ веденный урокъ можетъ остаться для ней не безъзначенія и дѣйствія. Но вопервыхъ нельзя забывать, что бываетъ и такой урокъ или таковаго рода преподаваніе, что они, исключительно дѣйствуя на память, могутъ весьма мало содѣйствовать истинному правильному развитію познавательной силы, напротивъ, еще могутъ дѣйствовать вредно на нее, такъ какъ крѣпость цѣлаго и каждой силы отдѣльно заключается въ совмѣстномъ развитіи, преуспѣяніи и взаимодѣйствіи всѣхъ силъ. За тѣмъ нельзя

отвергать и того что всякій урокъ, если только онъ не совсѣмъ ведется механически, также можетъ быть больше или меньше воспитательнымъ. Однако для цѣли учебнаго урока весьма достаточно, если ученикъ усвоилъ представленія, составляющія предметъ его, не только памятію, а и разсудкомъ, и твердо напечатлѣвши въ себѣ, пріобрѣлъ достаточно навыка, какъ примѣнять къ дѣлу познанное. Но для воспитательнаго обученія этаго еще недовольно. Оно запрашиваетъ о способѣ, какъ достигнута эта цѣль, и желаетъ, чтобы самый способъ обученія былъ таковъ, чтобъ въ немъ и чрезъ него ученикъ нашелъ поводъ и побужденіе совмѣстно упражнять свои духовныя силы и самостоятельно развивать свои способности. Воспитательное обученіе не чуждается и того, что на первый взглядъ могло бы казаться постороннимъ, если только это постороннее, не противорѣча матеріальнымъ цѣлямъ, обѣщаетъ нравственную выгоду, и не считаетъ потерею времени, если нѣсколько дольше остановившись на извѣстномъ предметѣ, доставитъ пользу вообще духовной силѣ ученика. Самая эта воспитательная сторона, повидимому посторонняя дѣлу обученія, принесетъ пользу послѣднему. При обученіи, повидимому, имѣется въ виду развитіе только познавательной способности. Воспитаніе, напротивъ, имѣетъ цѣлію гармоническое развитіе всѣхъ духовныхъ силъ. Справедливо послѣ того надѣяться, что образующій одну какую либо силу не забудетъ соразмѣрить это образованіе съ другими силами, чтобы оно не было въ разладѣ съ ними, а напротивъ способствовало къ согласному развитію ихъ. Всякое одностороннее образованіе вредно, и обученіе, которое совсѣмъ выпускаетъ изъ виду во-

спитательное образованіе чувства и воли, неминуемо окажется врагомъ воспитанія. и вмѣсто того, чтобы рука объруку идти съ нимъ, будетъ разрушать и задерживать его цѣли. Потому обученіе только тогда будетъ воспитательнымъ, когда школа познаванія будетъ вмѣстѣ и школою чувства и воли, упражненіе въ мышленіи будетъ вмѣстѣ упражненіемъ въ правильномъ и благонастроенномъ чувствованіи и желаніи, наука станетъ средствомъ для раскрытія въ ученикѣ чувства къ истинному, прекрасному и доброму, то есть станетъ средствомъ къ облагороженію и укрѣпленію нравственнаго характера.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что нельзя не желать, чтобы школьное обученіе было вмѣстѣ и воспитательнымъ, потому что обученіе есть часть воспитанія, а часть должна служить цѣлому. Спрашивается теперь: *какъ школьное обученіе могло бы удовлетворить этому справедливому требованію?*

Прежде всего естественно, чтобы обученіе въ самомъ развитіи познавательной силы ведено было истинно образовательнымъ, то есть воспитательнымъ образомъ. Здѣсь весьма важна *форма* или способъ *обученія*, то есть: какъ учитель преподаетъ свой предметъ ученикамъ, въ какое отношеніе онъ къ нимъ ставитъ себя при урокахъ чтобы взаимный обмѣнъ мыслей учителя съ учениками былъ полезенъ послѣднимъ, и велъ къ цѣли. Формы обученія различаются между собою главнымъ образомъ по большей или меньшей степени самодѣятельности, требуемой отъ ученика. При *акроаматической* формѣ преподаванія (когда ученикамъ приходится слушать только, что говоритъ преподаватель), ученикъ только воспринимаетъ. При *катехизи-*

ческой есть уже и собственная дѣятельность ученика, которую учитель руководствуетъ и вопросами подвигаетъ впередъ шагъ за шагомъ. Только при *евристической* формѣ (когда ученикъ самъ чего добивается или до чего доходитъ) дѣятельность ученика становится настоящею самодѣятельностію, потому что она тогда бываетъ свободною попыткою достигнуть предположенной цѣли. Дѣло существенно отъ того не измѣняется, если этой попыткѣ придаетси извѣстное руководство, чтобы она не тратилась на ложномъ пути, а имѣла опредѣленное направленіе. Что же слѣдуетъ изъ этого? Тамъ, гдѣ позволяетъ свойство учебнаго предмета и особенная природная способность ученика, тамъ воспитательное преподаваніе всегда пользуется преимущественно евристическимъ способомъ обученія. Способъ этотъ не обходится безъ вліянія на образованіе воли и характера. Навыкъ къ свободной самодѣятельности въ пріобрѣтеніи познаній и въ расширеніи умственнаго кругозора даетъ твердость волѣ и пріучаетъ къ постоянству въ дѣятельности. Большая часть такъ называемыхъ самоучекъ, обязанныхъ свѣдѣніями своимъ собственнымъ усиліямъ и размышленію, служитъ лучшимъ тому доказательствомъ, между тѣмъ какъ въ послѣдовательной механической и непроизвольной дрессировкѣ легко пропадаетъ сила воли, или же воля уклоняется на ложную дорогу.

Остается еще два средства обученія, въ правильномъ примѣненіи которыхъ заключается дальнѣйшая и притомъ значительнѣйшая воспитательная сила. Это выборъ и свойство самаго предмета, и личность учителя при обученіи, то есть тонъ преподаванія. Не всякій предметъ одинаково приспособенъ къ тому, чтобы

имѣть воспитательное вліяніе на волю, чувство и характеръ незрѣлаго ученика. Однако немного и такихъ предметовъ, чтобы ими больше или меньше нельзя было воспользоваться для этой цѣли. И здѣсь между тѣмъ какъ и вообще въ преподаваніи, недолжно быть ничего натянутаго и искуственнаго, такъ какъ всякая подобная натянутость вообще способна приводить совсѣмъ къ противуположнымъ результатамъ. Если нужно признать, что образованіе сердца и характера зависитъ главнымъ образомъ отъ образа воззрѣнія, примѣровъ, опытовъ и навыковъ, то само собою ясно, что образовательной способности наибольше заключается въ такомъ предметѣ, который можетъ пробуждать и направлятъ воззрѣніе и образъ мыслей или то, что въ насъ судитъ объ истинномъ, добромъ и прекрасномъ вообще. Одинъ изъ писателей по воспитанію говоритъ: «только то преподаваніе достигаетъ своей цѣли, которое въ то же время овладѣваетъ и чувствомъ ученика. И напрасно думаютъ, что только извѣстнымъ предметамъ дана способность завладѣвать душею. Съ какимъ бы предметомъ ни имѣло дѣло познаваніе вездѣ, оно встрѣтится съ истиною, и если послѣдняя дѣйствительно понята какъ должно, то тѣмъ самимъ уже душа несомнѣнно стала выше и свободнѣе.» Если же теперь спросить, какой предметъ прямѣе и ближе другихъ стоитъ къ образованію воли, чувства, сердца, души, то всякому преподавателю извѣстно, что это религія, исторія и природа. Всѣ три, особенно ученіе о религіи, имѣютъ то свойство, что по самому существу своему имѣютъ отношеніе не къ одной какой либо сторонѣ духа, а вызываютъ на дѣятельность всего человѣка, то есть и его мысль, и чувство, и волю. У каж-

даго изъ этихъ предметовъ значило бы отнимать силу и значеніе, и потому не понимать ни ихъ, ни потребностей ученика, еслибы кому вздумалось смотрѣть на нихъ только какъ на предметъ памяти и разсудка, или хотя бы какъ на предметъ одного чувства. Всѣ они три служатъ источниками истиннаго, прекраснаго и добраго. Наука о религіи, имѣющая внутреннѣйшую связь съ исторіею, потому уже самому не только есть наука познаванія, но и еще больше наука о томъ, что мы должны дѣлать и чего должны желать, то есть воспитаніе воли для божественнаго. Исторія есть галлерея человѣческихъ добродѣтелей и пороковъ, возвышеннаго и низкаго. картина нравовъ всѣхъ временъ и людей, и потому есть школа, гдѣ могутъ назидаться равно воля, чувство и умъ. А природа есть не только откровеніе божественной мудрости, которая въ свою очередь есть наставница и образецъ для человѣческаго благоразумія, порядка и искуства, но откровеніе творческой силы, божественной любви и правды. По всему этому, если только уяснено сознаніе ученика, она имѣетъ способность пробуждать и занимать волю и чувство. Остается коротко сказать, какъ учителю сдѣлать эти отрасли обученія истинно воспитательными. Ему нужно такъ вести дѣло, чтобы образующая ихъ сила могла вполнѣ и безпрепятственно дѣйствовать на волю и нравственность ученика. Ибо если эта сила и это вліяніе присуще имъ, и по существу свойственно, то нечего ихъ навязывать или стараться вносить ихъ искуственно, какъ нѣчто постороннее имъ; напротивъ, нужно только ихъ раскрывать, показывать и давать имъ случай обнаруживаться.

Чтобы пояснить это, достаточно слѣдующихъ немногихъ замѣчаній:

Религія и Исторія.—Здѣсь самая важная образовательная для воли и духа стихія заключается въ примѣрѣ. Примѣръ есть отвлеченное ученіе, выразившееся въ конкретной или частной жизни Ученіе—слово, примѣръ—дѣло Слово дѣйствуетъ путемъ размышленія, къ которому не всякой способенъ одинаково; дѣло непосредственно увлекаетъ къ дѣлу, заставляя или подражать или отвращаться. Въ своемъ преподаваніи учитель долженъ слѣдовательно стараться, чтобы въ обоихъ названныхъ наукахъ дѣйствія и дѣйствующія лица выступали предъ душею дитяти наглядно и какъ бы живыми Нужно, чтобы больше говорили сами нравственныя или ненравственныя дѣйствія, чѣмъ разсуждать о ихъ нравственности или безнравственности Не слушаютъ дѣти дѣйствій, еще меньше станутъ слушать наставленій учителя Только тогда, когда представленный ученикамъ примѣръ окажетъ свое дѣйствіе на волю и нравственное чувство, когда зажглась въ совѣсти и сердцѣ ученика искра только тогда привременно и полезно руководить учениковъ и къ размышленію, то есть къ разумному и ясному сознанію добра или зла, воплотившагося въ томъ или другомъ примѣрѣ. Не удалось учителю живымъ представленіемъ надлежаще выясненнаго дѣйствія и самой личности дѣятеля сдѣлать впечатлѣніе на ученика; еще менѣе удастся ему достигнуть этого словами, которыя не въ силахъ дать его исторіи ни нравственнаго интереса, ни образовательнаго вліянія. Ученикъ долженъ видѣть въ исторіи не одно времяпрепровожденіе и развлеченіе; онъ долженъ быть ею плѣняемъ и оду-

шевленъ. Дѣйствующія лица не должны казаться ему безразличными и чужими; напротивъ, его душа невольно принимаетъ сторону или за или противъ нихъ, потому что дѣйствія ихъ возбуждаютъ въ немъ или удивленіе, уваженіе, любовь, или же отвращеніе и презрѣніе. А все это меньше достигается тѣмъ, что говоритъ учитель, чѣмъ тѣмъ, что ученикъ видитъ какъ будто предъ своими очами. Такія ощущенія и возбужденія духа не должны бы пропадать напрасно и такъ сказать разлетаться въ воздухѣ. Дитяти слѣдетъ показать примѣненіе примѣра къ нему самому и его отношеніямъ, и давать ему случай попытаться сообразоватъ съ нимъ свою собственную волю и дѣятельность.

Что до наукъ естественныхъ, то тутъ дѣло иначе. Воспитательный элементъ здѣсь заключается въ красотѣ, соразмѣрности, цѣлесообразности, и пользѣ всякаго созданія, устройства и законовъ природы. Прежде всего тутъ возбуждается и образуется чувство красоты и порядка, и при благопріятныхъ обстоятельствахъ, свободно обнаруживается собственнымъ стремленіемъ къ прекрасному и подражаніемъ порядку. И тутъ однако чувство нравственное не остается безучастнымъ. Чѣмъ гдѣ больше наслажденія прекраснымъ, тѣмъ тамъ меньше наслажденія явленіями разрушенія. Чѣмъ знакомѣе цѣлесообразность и польза всякой вещи, тѣмъ больше береженія. Вообще познаніе природы есть средство противъ грубости. Оттуда урокамъ этой науки предлежитъ задача произвесть въ ученикѣ съ одной стороны вниманіе къ животнымъ и растеніямъ и береженіе ихъ, а съ другой благоговѣніе и удивленіе, подобающія всемогущему, премудрому, и всеблагому Творцу. Это однако достигается не праздными словами, а непо-

средственнымъ нагляднымъ представленіемъ дивнаго величія природы въ великомъ и маломъ. Здѣсь-то простое летучее любопытство должно преобразоваться въ горячій живой интересъ и въ нравственное сочувствіе къ окружающей насъ природѣ.

Выше было еще поименовано средство, какъ преподаваніе или обученіе можетъ получить воспитательную силу,—это средство личность самаго учителя. Что другое и дѣлаетъ учителя во всѣхъ его школьныхъ занятіяхъ воспитателемъ, какъ не его личность? Отъ того хорошій учитель можетъ быть плохимъ воспитателемъ, и плохой учитель хорошимъ воспитателемъ. Одному недостаетъ воспитательной личности, другой обладаетъ ею. Впрочемъ мы говоримъ теперь не о личности учителя вообще, а о тонѣ преподаванія, то есть о томъ, какъ высказывается учитель во время преподаванія, и какъ важна эта личность для образовательнаго дѣйствія преподаванія на волю и характеръ. Нужно ли яснѣе высказать, чего мы желаемъ въ этомъ отношеніи отъ личности учителя; то вотъ въ заключеніе правило: пусть учитель самъ будетъ проникнутъ и одушевленъ истиною, красотою и нравственнымъ значеніемъ своего предмета. Тогда онъ простой и безыскуственный въ словахъ, голосѣ и тѣлодвиженіяхъ, будетъ излагать на урокѣ то, что чувствуетъ душа его.

СОБРАНІЯ ДУХОВЕНСТВА.

Въ послѣднее время не мало уже представлено доказательствъ на то, что жизнь приходскаго духовенства возбуждена сильнѣе прежняго къ дѣятельности; она уже не довольствуется до нынѣшнею замкнутостію, разобщенностію, погруженностію въ матеріальный бытъ, апатіею къ наукѣ и пастырству; она ищетъ общенія, совѣта, взаимной помощи, желаетъ участія въ общей жизни, чтобы этимъ возвысить духовно-нравственную жизнь свою и жизнь народа. Свидѣтельствомъ этого похвальнаго стремленія служатъ благочинническія собранія духовенства для обсужденія мѣстныхъ церковныхъ потребностей. Тамъ, гдѣ онѣ правильно формулированы и оффиціально, въ видѣ опыта, допущены епархіальною властію — въ рязанской епархіи, заявлены слѣдующія мысли о ихъ благопотребности, предметѣ, цѣли и добрыхъ послѣдствіяхъ:

«Уже одно количество пастырей мѣстной церкви, призываемыхъ къ коллегіальному разсужденію о нравственномъ и хозяйственномъ положеніи приходской жизни, внушаетъ нѣкоторое уваженіе и къ предмету разсужденія и къ послѣдствіямъ его.

Наши благочиническія собранія станутъ выше нашихъ земскихъ собраній не только по своей массѣ, но и по своему нравственному строю и по своей евангельской цѣли. Члены земскихъ собраній принадлежатъ

къ разнымъ сословіямъ, къ духовенству, дворянству, купечеству, мѣщанству и крестьянству,—имѣютъ неодинаковое гражданское положеніе и гражданскія права, неодинаковое образованіе и неодинаковые взгляды на жизнь общества и на вещи. Правда, по закону всѣ они дожны являться въ земскихъ собраніяхъ не представителями сословій, а представителями мѣстныхъ обще-земскихъ интересовъ, попечителями общаго губернскаго хозяйства, органами одного цѣльнаго и стройнаго тѣла, ревнителями благосостоянія рязанской земли. Но это идеалъ,—это лишь требованіе! Опытъ и самая жизнь далеко расходятся съ идеальнымъ взглядомъ на губернское земство, какъ на одно нераздѣльное цѣлое: въ нашихъ земскихъ собраніяхъ сословность пока дѣйствуетъ съ страшною силою, мощный одолѣваетъ слабаго, богатый отстраняетъ бѣднаго, заставляетъ его молчать или не хочетъ его слушать, когда онъ рѣшится подать свой голосъ, страсти кипятъ и рвутся, хотя и подъ благовидной маской; въ сущности сословный интересъ пока преобладаетъ надъ общимъ земскимъ интересомъ, хотя по наружности это и не такъ замѣтно; наши уѣздныя и губернскія земскія собранія пока могутъ называться земскими лишь въ силу узаконенія и во имя идеи, лежащей въ ихъ основѣ,— въ натурѣ это скорѣе дворянскія собранія.... Совершенно не таковъ строй нашихъ благочинническихъ собраній. Здѣсь всѣ члены принадлежатъ къ одному званію, почти всѣ владѣютъ одинаковымъ образованіемъ, одинаковыми матеріальными средствами, одинаковыми правами. Ни о сословной гордости и предубѣжденіяхъ, ни о сословныхъ страстяхъ и раздраженіяхъ, ни о сословныхъ интересахъ и захватахъ здѣсь не можетъ

быть и рѣчи. Въ благочинническихъ собраніяхъ примутъ участіе всѣ тѣ, которые заранѣе другъ друга знаютъ хорошо, изъ которыхъ иные товарищи по ученію, нѣкогда были друзьями въ школѣ, вмѣстѣ проводили молодую жизнь, братски дѣлили другъ съ другомъ свои юныя радости и юныя невзгоды....

Предметъ и цѣль разсужденій земскихъ собраній составляетъ уѣздное или губернское хозяйство,—матерія, корысть, въ грубой или благородной формѣ; на нихъ собираются представители земства, земли. Здѣсь страсть, раздраженіе есть какъ бы необходимость, своего рода принадлежность собранія. Въ благочинническихъ церковныхъ собраніяхъ рѣчь должна идти объ улучшеніи положенія церковно-приходской жизни, о возвышеніи нравственнаго состоянія того или другаго прихода; это собранія церковныя, духовныя, гдѣ принимаютъ участіе настоятели приходскихъ церквей, ревнители благъ православія. Здѣсь могутъ быть недоумѣнія, сомнѣнія, колебанія, но не умѣстны страсти, корыстные расчеты и увлеченія, не должно быть борьбы и преній изъ-за личныхъ интересовъ, недолжно быть между членами собранія эгоистическихъ столкновеній. Въ 70 § инструкціи для собраній рязанскаго духовенства говорится, что собранія открываются и закрываются молебствіемъ, совершаемымъ въ церкви всѣми священниками, участвующими въ собраніи. Такое требованіе узаконенія, какъ вполнѣ согласное съ духомъ закона Христова, не есть одна внѣшняя неизбѣжная церемонія,—нѣтъ; общее священническое моленіе предъ началомъ собранія есть не только initium собранія, но и principium, принципъ, который долженъ звучать въ ушахъ и сердцахъ всѣхъ членовъ чрезъ весь періодъ засѣ-

данiй, долженъ царить, направлять и управлять всѣмъ священническимъ собранiемъ. Въ молитвѣ, въ непрестанномъ возвышенiи ума и духа къ Христу—Богу, Основателю единой истинной на землѣ церкви, нашей Премудрости и нашему Просвѣтителю, долженъ находить себѣ источникъ вдохновенiя каждый членъ духовнаго собранiя; лишь тогда свѣтла будетъ мысль каждаго, рѣчь разумна, спокойна и безстрастна; лишь тогда разсужденiя собранiя приведутъ къ добрымъ послѣдствiямъ. Сила каждаго собранiя будетъ зависѣть отъ большаго или меньшаго проникновенiя его членовъ религiозными идеями, религiозными помышленiями и чувствованiями; его мощь заключается въ его религiозномъ характерѣ, чуждомъ корысти и эгоизма. Если собранiе поведетъ свое дѣло, какъ дѣло мiрское, а не какъ дѣло Божiе,—то оно никогда не придетъ къ доброму результату, не принесетъ никакого плода ни себѣ, ни другимъ; лучше бы такому собранiю и не быть... Во Христѣ сила каждаго пастыря церкви, во внутреннемъ сердечномъ отношенiи къ Нему—могущество и каждаго собранiя церковныхъ пастырей. «Пребудьте во Мнѣ, говорилъ намъ, служителямъ Господня олтаря, въ лицѣ апостоловъ Самъ Христосъ, и Я въ васъ; какъ вѣтвь не можетъ приносить плода сама собою, если не будетъ на лозѣ; такъ и вы, если не будете во Мнѣ; Я есмь лоза а, вы вѣтви; кто пребываетъ во Мнѣ, и Я въ немъ, тотъ приноситъ много плода; безъ Меня вы не можете дѣлать ничего» (Iоан. XV, 4. 5).

Въ благочинническихъ собранiяхъ священники принимаютъ участiе не какъ депутаты отъ своего причта, не какъ только члены духовнаго сословiя, а какъ на-

*

стоятели приходскихъ церквей, представители определеннаго церковнаго прихода. Поэтому не личные виды, не личный интересъ, не личный матеріальный расчетъ должны руководить каждымъ священникомъ при разсужденіяхъ въ общемъ священническомъ собраніи, —а благо той мѣстной церкви, которую Господь чрезъ архипастыря ввѣрилъ его нравственному управленію и попеченію, благо всѣхъ членовъ той церковно-приходской общины, въ которой онъ настоятельствуетъ. Это была бы горькая и достойная сожалѣнія ошибка, если бы какое либо собраніе исключительнымъ предметомъ своихъ совѣщаній поставило вопросъ объ улучшеніи своего матеріальнаго быта, а не благо всѣхъ членовъ церкви. У священника, какъ священника, нѣтъ собственности, нѣтъ доходныхъ статей и торговыхъ учрежденій. Церковная усадьба, на которой построенъ домъ священника, принадлежитъ ему только на правѣ владѣнія, а не на правѣ собственности, она есть собственность церкви, той церковной общины, которой онъ служитъ въ санѣ пастыря Христова; этой же церковной общинѣ принадлежитъ и владѣемая священникомъ луговая и пахатная земля. Сила земства въ матеріальномъ богатствѣ; сила духовенства — въ духовномъ богатствѣ, въ его самоотверженіи и трудѣ на пользу церковныхъ общинъ, въ его просвѣщеніи и учительности, въ его высоконравственной жизни и благоповѣденіи, въ высотѣ его христіански-пастырскаго вліянія на прихожанъ. Наше духовенство тѣмъ большими будетъ пользоваться матеріальными средствами отъ прихожанъ, чѣмъ меньше будетъ преслѣдовать свою корысть, чѣмъ выше будетъ его нравственный духъ, чище его нравственная жизнь, чѣмъ болѣе оно будетъ хри-

стіански образовано, чѣмъ полезнѣй и благоплоднѣй для пасомыхъ будетъ его пастырская дѣятельность. Одна изъ причинъ нашей матеріальной бѣдности въ недостаточности у насъ священниковъ истиннаго христіанскаго образованія, въ томъ, что не высокъ уровень нашей нравственной жизни. И не о доходахъ намъ нужно заботиться, чтобы приходъ насъ болѣе любилъ и уважалъ, а объ усиленіи благочестія въ нашемъ сердцѣ, о возвышеніи нашего духовнаго христіанскаго просвѣщенія, о поднятіи благочестія въ нашихъ прихожанахъ о томъ, чтобы они любили и знали Христа, какъ Божію Силу и Божію Премудрость, въ духѣ и истинѣ, а не полагали спасеніе своей души въ соблюденіи однихъ внѣшнихъ церковныхъ обрядовъ. Истинно набожные прихожане никогда не допустятъ, чтобы бѣдствовалъ ихъ духовный пастырь, терпѣлъ съ своей семьей нужду и горе; хрістіанскіе просвѣщенные и благочестивые члены церковной общины никогда не будутъ составлять незаконныхъ мірскихъ приговоровъ о томъ, чтобы уменьшить на половину произвольную для каждаго прихожанина плату священнику за требоисправленіе. Бытъ священнослужителей, и безъ настояній предержащей власти, улучшится, когда духовное благочестіе и христіанское сознаніе пастыря и паствы значительно возвысится. Не заботьтесь и не говорите: что намъ ѣсть или что пить, или во что сдѣться? ищите прежде царства Божія и правды Его, и это все приложится вамъ (Мате. VI, 31, 33.), говоритъ Спаситель своимъ послѣдователямъ въ нагорной бесѣдѣ. Это не теорія, не отвлеченная истина, не аскетическое правило; это міровой законъ матеріальнаго благосостоянія въ христіанскомъ мірѣ: не будетъ

бѣденъ тотъ, кто богатъ христіанскимъ духомъ, кого всѣ лучшіе люди любятъ и уважаютъ. Кто усиленно, по христіански трудится для блага другихъ, тотъ получитъ должную награду за свои труды. Что же? Ужели въ силу такихъ соображеній священническимъ собраніямъ вовсе не входить въ разсужденія объ улучшеніи быта духовенства, пройти молчаніемъ этотъ предметъ? Разсуждать и можно и должно,—такъ какъ само наше правительство въ настоящую пору озабочивается обезпечиваніемъ духовенства, для этого существуетъ особое высшее правительственное присутствіе, существуетъ въ епархіи особый комитетъ; но разсуждать должно какъ о предметѣ второстепенной важности въ строѣ церковно-приходской жизни. Земство призвано заботиться о матеріальномъ благосостояніи края; для него хозяйство первый предметъ заботы; духовенство призывается къ совѣщательному обсужденію своихъ дѣлъ во имя духовныхъ интересовъ, интересовъ церкви, благочестія и вѣры. Вопросъ объ улучшеніи быта духовенства входитъ въ кругъ разсужденія нашихъ священническихъ собраній лишь потому, что бѣдность священника, скудость содержанія его съ семействомъ много препятствуетъ священнику исполнять его прямыя обязанности—учить приходъ доброй вѣрѣ и доброй жизни, совершать для него священнодѣйствія и управлять имъ по евангельскимъ началамъ и правиламъ. Нашъ приходскій священникъ лицо семейное, пролетаріемъ ему быть нельзя....

Первый предметъ разсужденія въ священническихъ собраніяхъ должно составлять возвышеніе умственныхъ и нравственныхъ силъ духовенства, поддержаніе и усиленіе духовнаго просвѣщенія въ самихъ священ-

никахъ, подъемъ ихъ нравственной жизни,—безъ чего не мыслимо улучшеніе нашей церковно-приходской жизни, возвышеніе нравственности въ прихожанахъ. Умственная жизнь духовенства подымется, грубые пороки въ немъ уменьшатся, если во всѣхъ приходахъ у насъ откроются церковныя библіотеки, если постоянное чтеніе книгъ религіознаго и общеобразовательнаго содержанія будетъ составлять насущную потребность каждаго священника, каждаго причетника. Здравыя идеи также могущественно вліяютъ на складъ нашего ума, на образованіе нашего характера, какъ хорошій, здоровый воздухъ—на отправленіе нашихъ легкихъ, на освѣженіе нашей крови. По этому вопросъ о повсемѣстномъ открытіи въ нашей епархіи церковныхъ библіотекъ есть вопросъ первой важности, тѣмъ болѣе, что уже многія епархіи въ этомъ отношеніи упредили насъ.... Нравственная жизнь духовенства также должна быть однимъ изъ первыхъ предметовъ разсужденій на священническихъ собраніяхъ. Есть у насъ священники и причетники добродѣтельной жизни, строгихъ христіанскихъ правилъ, но есть какъ и вездѣ, больные духомъ, слабые волей, не твердые на пути воздержанія. Никакой порокъ такъ непротивенъ въ лицѣ духовнаго званія какъ не трезвость, и ею, къ невыразимому нашему прискорбію, страдаютъ иные изъ нашей братіи, хотя и немногіе. Если гдѣ утѣшительно видѣть полное вниманіе къ трезвости, такъ это прежде всего въ священникахъ, которые свѣтъ міра, по выраженію евангелія, соль земли.

Отъ заботы о нравственномъ улучшеніи духовенства мысль священническихъ собраній должна перейти къ попеченію о религіозномъ возвышеніи приходовъ.

Средства для этого извѣстны: общественная и частная проповѣдь, воскресныя школы церковно-приходскія школы, стройное церковное чтеніе, частое и благоговѣйное совершеніе Богослуженія, церковно-приходскія попечительства и совѣты... Обо всемъ этомъ и должны разсуждать священническія собранія. Церковныя библіотеки, церковно-приходскія, на счетъ церквей содержимыя школы, благочиніе въ церковномъ пѣніи, благолѣпіе при Богослуженіи невозможны при разстроенномъ церковномъ хозяйствѣ, а наше церковное хозяйство далеко не цвѣтетъ въ настоящее время... На приведеніе его въ порядокъ, на уничтоженіе причинъ, мѣшающихъ его правильному ходу, на неразумное распоряженіе церковными деньгами, на сообразное съ дѣйствительностію и законами веденіе приходорасходныхъ книгъ и документовъ должны священническія собранія обратить особенное вниманіе, тѣмъ болѣе, что съ процвѣтаніемъ хозяйства церквей неразрывно связано матеріальное благосостояніе нашихъ духовныхъ училищъ и самаго духовенства.

Священническія собранія въ нашей епархіи открываются *въ первый разъ* и въ *видѣ опыта*. Это хорошо должны помнить всѣ члены собраній. Есть еще довольно лицъ, несочувствующихъ этимъ собраніямъ, стоящихъ за старый порядокъ нашей церковной жизни, за порядокъ разрозненности и разобщенности священниковъ. Мы, священники, должны быть мудры, какъ змія, и цѣлы, какъ голубь, въ новомъ дѣлѣ; должны употреблять весь умъ, всю свою энергію и христіанское благоразуміе, чтобы доказать *фактически* живучесть идеи священническихъ собраній, ихъ крайнюю нужду въ настоящее время и благопотребность.»

Ряз. Еп. Вѣд.

— Желаніе имѣть подобныя собранія обнаружено и въ московской епархіи. Въ концѣ 1866 года одинъ изъ благочинныхъ волоколамскаго уѣзда собралъ къ себѣ священниковъ своего вѣдомства, для выбора изъ среды ихъ на трехлѣтіе библіотекаря, въ устроенную при благочиніи для всего вѣдомства библіотеку. Выборъ произведенъ. Симъ случаемъ воспользовавшись, благочинный пригласилъ ихъ къ обсужденію нѣкоторыхъ вопросовъ по дѣламъ священнической службы и предложилъ имъ испросить разрѣшеніе епархіальнаго начальства на учрежденіе въ своемъ благочинническомъ округѣ ежегодныхъ съѣздовъ священниковъ, для совѣщаній о сихъ дѣлахъ. На сіе дана высокопреосвященнѣйшимъ московскимъ архипастыремъ резолюція, въ заключеніе которой сказано слѣдующее замѣчаніе, которое можетъ быть приложено съ пользою и не въ одной московской епархіи:

«Отдаемъ справедливость доброму намѣренію священниковъ..... благочинническаго округа. Но не могли ли они бы исполнить свое доброе намѣреніе, не требуя законодательной мѣры и офиціальнаго учрежденія и дѣйствованія? На церковныхъ праздникахъ по случаямъ семейнымъ, то у того, то у другаго священника, собираются по нѣскольку другихъ. Было бы достойно священства, если бы при семъ сколько можно менѣе тратилось времени на угощеніе и праздныя и безполезныя собесѣдованія, и бесѣдовали бы священники о дѣлахъ, особенныхъ случаяхъ и встрѣчающихся недоумѣніяхъ по службѣ и находили, по священному слову, *спасеніе во мнозѣ совѣтѣ*, а о не разрѣшимыхъ недоумѣніяхъ, поручали одному изъ среды себя письменно или на словахъ относиться къ благочинному, а онъ

отъ себя, или по совѣщаніи съ кѣмъ либо изъ болѣе опытныхъ, дѣлалъ бы разрѣшеніе, или, если нужно, представлялъ бы на разрѣшеніе начальства, именуя или не именуя поднявшихъ вопросъ, по ихъ желанію. При уваженіи и усердіи къ священной службѣ можно достигать сказаннаго симъ простымъ путемъ; а безъ искренней ревности и во многой офиціальности и формальности не много найдется спасенія.»

(Душепол. чт.)

ПРОТОКОЛЪ

засѣданія совѣта кіевскаго св. Владимірскаго братства, бывшаго 1-го іюня, 1867 года.

Въ семъ засѣданіи подлежали обсужденію слѣд. предметы:

1. Предсѣдатель совѣта братства предложилъ: ознаменовать чудесное спасеніе жизни ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА отъ руки злодѣя, посягавшаго на жизнь Его въ Парижѣ, 25 мая, благотворительностію. Постановлено: въ ознаменованіе чудеснаго спасенія жизни ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА отъ руки злодѣя, 25 мая, настоящаго года, въ Парижѣ,—воспитать сироту въ кіевскомъ училищѣ дѣвицъ духовнаго званія на сумму братства.

2. Прочитано было отношеніе кіевской дух. консисторіи слѣдующаго содержанія: «Резолюціею его высокопреосвященства, отъ 14 мая, послѣдовавшею на прошеніи священника каневскаго уѣзда села Біевецъ, Преображенской церкви, Іоанна Гдѣшинскаго съ представленіемъ акта объ открытіи церковно-приходскаго попечительства въ селѣ Біевцахъ», повелѣно: «утверждается,—а наблюде- «ніе за дѣйствіями всѣхъ, состоящихъ въ кіевской епар- «хіи церковныхъ попечительствъ, какъ по предметамъ «и цѣли въ непосредственной связи съ кіево-Владимір- «скимъ братствомъ находящихся, предоставить сему «братству, для чего и сообщить въ оное немедля вѣр-

«ный списокъ всѣхъ до нынѣ открытыхъ попечительствъ «и объ имѣющихся вновь открываться своевременно «извѣщать его съ приложеніемъ и Высочайше «утвержденнаго положенія о сихъ попечительствахъ, а «попечительствамъ, чрезъ благочинныхъ, предписать, «чтобы они о своихъ дѣйствіяхъ доносили братству «неупустительно и всѣ законныя требованія его испол«няли безпрекословно и безъ замедленія». Рѣшено: до полученія дальнѣйшихъ свѣдѣній, которыя получатся по резолюціи его высокопреосвященства, на первыхъ порахъ обратить вниманіе и войти въ сношеніе съ церковно-приходскими попечительствами: а) касательно нравственности рабочаго народа на фабрикахъ и заводахъ; б)—уменьшенія между народомъ пьянства; и в)—состоянія церковно-приходскихъ школъ.

3. Прочитано было отношеніе кіевской дух. консисторіи, коимъ она увѣдомляетъ совѣтъ братства, что священникъ села Свидовка, черкасскаго уѣзда, Димитрій Ромодановъ пожертвовалъ на кіево-Владимірское братство—475 р,—которые находятся въ администраціи купцовъ Яхненка и Симиренка. Рѣшено: просить священника Ромоданова выслать узаконенный документъ на сіи деньги въ совѣтъ братства, а по полученіи документа благодарить священника Ромоданова за значительное пожертвованіе въ пользу свято-Владимірскаго братства.

Пожертвованія. поступившія въ вв. Владимірское братство, въ пользу страждущихъ кандіотовъ, съ 17 марта по 1 іюня 1867 года. Отъ благочиннаго радом. уѣзда Василія Маркевича 5 руб.; отъ начальства и наставниковъ кіево-подольскаго уѣзднаго духовнаго училища 24 р.; отъ отъ начальства и наставниковъ кіевской духовной семинаріи 34 р.; отъ благочиннаго чигиринскаго уѣзда Никифора Діаковскаго, собранныхъ отъ нѣкоторыхъ подвѣдомыхъ ему церквей 73 р. 5³/₄ к.; отъ благочиннаго уманскаго уѣзда, священника Іоанна Маціовича, собранныхъ отъ нѣкоторыхъ подвѣдомственныхъ ему церквей 46 р.; отъ прихожанъ кіево-лыбедской церкви 9 р. 70 к.; отъ благочиннаго кіев. уѣзда Димитрія Веледницкаго, собранныхъ отъ подвѣдомаго ему духовенства 15 р.; отъ прихожанъ села Морозовки сквир. уѣзда 9 р.; отъ прихожанъ села Подвысоцкаго липов. уѣзда 6 р.; отъ маіора Ивана Моисеева 5 р.; отъ причта и прихожанъ радомысльской соборной церкви 26 р. 80 к.; отъ благочиннаго бердич. уѣзда Захарія Оппокова, собранныхъ въ его вѣдомствѣ 25 р.; отъ благочиннаго каневскаго уѣзда Андрея Лебединцева, собранныхъ въ приходѣ корсунской Спасской церкви 63 р.; отъ благочиннаго бердичев. уѣзда Аввакума Метельскаго собранныхъ въ подвѣдомыхъ ему приходахъ 35 р. 82 к.; отъ причта и прихожанъ, черкасскаго уѣзда, м. Бѣлозерья, 23 р.; отъ причта и прихожанъ, радом. уѣзда, села Вильни 13 р.; отъ приходовъ находящихся въ вѣдомствѣ благочиннаго звениг. уѣзда Марка Сикорскаго 139 р. 25 к.; отъ причта и прихожанъ васил. уѣзда села Острова 7 р. 35 к.;

отъ причта и прихожанъ, находящихся въ вѣдомствѣ благочиннаго васильк. уѣзда Михаила Ожеговскаго 59 р.; отъ благочиннаго сквир. уѣзда Алексѣя Сикорскаго, собранныхъ въ нѣкоторыхъ приходахъ его вѣдомства 18 р. 75 к.; отъ причта и прихожанъ, каневскаго уѣзда, села Медвина 13 р.; отъ духовенства и прихожанъ, находящихся въ вѣдомствѣ благочиннаго звенигород. уѣзда Василія Пясецкаго 72 р.; отъ общества села Россавы канев уѣзда 15 р.; отъ духовенства сквир. уѣзда 1 части благочинія 6 р. 10 к.; и прихожанъ села Рогозно 24 р. 90 к.—всего 31 р.; отъ васильковскаго уѣзднаго протоіерея Александра Андріевскаго, собранныхъ отъ причтовъ и прихожанъ и квартирующихъ въ г. Васильковѣ военныхъ 56 р.; еще представили: благочинный таращ. уѣзда Григорій Молчановскій, собранныхъ въ его вѣдомствѣ 15 р. 48 к.) благочинный уманскаго уѣзда Ѳеодотъ Терлецкій, собранныхъ въ его вѣдомствѣ 33 р. 53 к., звенигородскій уѣздный пропротоіерей Василій Сикорскій, собранныхъ въ городч Звенигородкѣ 44 р. 88$^1/_2$ к.; благочинный звениг. уѣзда Симеонъ Андріевскій, собранныхъ въ его вѣдомствѣ 4 р. 93$^1/_2$ к.; благочинный черкас. уѣзда Анастасій Левитскій, собранныхъ въ его вѣдомствѣ 39 р. 60 к.; благочинный уманскаго уѣзда Ѳеофилактъ Антиповичъ, собранныхъ въ его вѣдомствѣ 177 р. 5 к.; благочинный уманскаго уѣзда Владиміръ Тучапскій собранныхъ въ его вѣдомствѣ 134 р. 5 к.; таращанскій уѣздный протоіерей Андрей Пахаловичъ собранныхъ въ городѣ Таращѣ 9 р.; отъ прихожанъ села Красногородки каневскаго уѣзда 10 р.; благоч. Серапіонъ Брояковскій, собранныхъ въ его вѣдомствѣ 50 р. 52 к.; благочинный сквир. уѣзда Павелъ Омельяновскій, собранныхъ въ его вѣдомствѣ 105 р.; отъ чиновниковъ X округа путей сообщенія 38 р. 50 к.; отъ причта, прихожанъ и старосты Ильинской г. Кіева церкви 22 р. 70 к.; отъ чиновъ кіевской военно-арестантской роты 4 р., отъ причта и

прихожанъ села Талдыкъ, черкасскаго ;уѣзда 9 р. отъ подольскаго губернатора собранныхъ на музыкальномъ концертѣ въ м. Немировѣ 47 р. 50 к.; отъ прихожанъ села Пологовъ васильк. уѣзда 15 р., благочинный бердичевскаго уѣзда протоіерей Сильвестръ Липскій, собранныхъ въ его вѣдомствѣ 56 р. 10 к.; благочинный звенигор. уѣзда Петръ Ильяшевичь, собранныхъ въ его вѣдомствѣ 94 р., благочинный сквир. уѣзда Іоаннъ Билевичъ, собранныхъ въ его вѣдомствѣ 12 р., отъ прихожанъ села Ладыжинки уман. уѣзда 11 р., отъ причта и прихожанъ села малой Ольшанки васильковскаго уѣзда 25 р., благочинный каневскаго уѣзда Поликарпъ Колтоновскій, собранныхъ въ его вѣдомствѣ 56 р., отъ прихожанъ села Нестеровки уманскаго уѣзда 5 р., отъ прихожанъ села Косовки сквирскаго уѣзда 38 р., отъ прихожанъ села Потокъ каневскаго уѣзда 28 руб.; благочинный кіев. уѣзда Никодимъ Божкевичь, собранныхъ въ вѣдомствѣ 39 р. 92 к.; отъ жителей города Черкасъ 26 р.; отъ священника предмѣстья г. Кіева Георгія Замышлевскаго 2 р.; благочинный лип. уѣзда Фавстъ Зимницкій, собранныхъ отъ прихожанъ его вѣдомства 100 р. 1/2 к., отъ причта и прихожанъ м. Мошенъ, черкасскаго уѣзда 29 р. 83 к.; благочинный липов. уѣзда, священникъ Константинъ Липковскій, собранныхъ отъ причта и прихожанъ его вѣдомства 54 р.: благочинный липов. уѣзда Трифонъ Терлецкій, собранныхъ отъ причта и прихожанъ его вѣдомства 55 р. 68 к.; благочинный бердичевсквго уѣзда Пантелеймонъ Загайкевичь, собранныхъ отъ причтовъ и прихожанъ 3-хъ селъ его вѣдомства 8 р.; благочинный таращ. уѣзда Іероѳей Шмигельскій, собранныхъ отъ причта и прихожанъ его вѣдомства 22 руб.; благочинный каневскаго уѣзда Константинъ Мировичь, собранныхъ отъ причтовъ и прихожанъ нѣкоторыхъ селъ его вѣдомства 37 р. 2 к.; отъ причта и прихожанъ села Еразмовки чигиринскаго уѣзда 9 р.; отъ прихо-

жанъ м. Шполы звениг. уѣзда 4 р. 50 к.; благочинный сквирскаго уѣзда Григорій Витвицкій, собранныхъ отъ причтовъ и прихожанъ его вѣдомства 73 руб. 92 к.; благочинный радомысльскаго уѣзда Николай Успенскій, собранныхъ въ его вѣдомствѣ 15 р.; благочинный старокіевскихъ и печерскихъ церквей протоіерей Василій Каменскій, собранныхъ въ его вѣдомствѣ 76 р. 41 к и отъ университета св. Владимира 93 р. 30 к.—всего 169 руб. 71 к.; благочинный таращанскаго уѣзда Григорій Молчановскій, собранныхъ въ его вѣдомствѣ 7 руб. 23 к.; благочинный черкасскаго уѣзда Θеодоръ Максимовичъ, собранныхъ въ его вѣдомствѣ 20 р. 45 к.; благочинный черкасскаго уѣзда Даніилъ Баккановскій, собранныхъ отъ служащихъ и рабочихъ при смѣлянскомъ сахарномъ заводѣ, отъ прихожанъ смѣлянской Преображенской и Покровской церквей, отъ волостнаго управленія и отъ причтовъ подвѣдомаго духовенства—всего 487 руб. $74^{1}/_{2}$ коп.

А всего собрано—*три тысячи триста восемдесятъ восемъ рублей, двѣ и три четверти коп.* (3,388 р. $2^{3}/_{4}$ к.) а съ прежними 6,533 руб. $87^{1}/_{4}$ коп.

Печ. доз. 28 іюня. Кіевъ, 1867 г. Цензоръ *Н. Щеголевъ.*

Въ типографіи И. и А. Давиденко.

(Аренд, С. Кульженко и В. Давиденко).